



ЖИЗНЬ ПОСЛЕ СМЕРТИ

8+8

Сборник рассказов
российских и китайских
писателей

Диалог (Время)

Леонид Юзефович

Жизнь после смерти. 8 + 8

«ВЕБКНИГА»

Юзефович Л. А.

Жизнь после смерти. 8 + 8 / Л. А. Юзефович — «ВЕБКНИГА»,
— (Диалог (Время))

ISBN 978-5-96-912240-6

В сборник вошли восемь рассказов современных китайских писателей и восемь – российских. Тема жизни после смерти раскрывается авторами в первую очередь не как переход в мир иной или рассуждения о бессмертии, а как «развернутая метафора обыденной жизни, когда тот или иной роковой поступок или бездействие приводит к смерти – духовной ли, душевной, но частичной смерти. И чем пристальней вглядываешься в мир, который открывают разные по мировоззрению, стилистике, эстетическим пристрастиям произведения, тем больше проступает очевидность переключки, сопряжения двух таких различных культур» (Ирина Барметова). Идея этого содержательного и общепонятного литературного диалога предложена пекинским издательством «Народная литература» («People's Literature Publishing House, China») и поддержана издательством «Время». Сборник «Жизнь после смерти» выходит одновременно на двух языках.

ISBN 978-5-96-912240-6

© Юзефович Л. А.
© ВЕБКНИГА

Содержание

От издательства	7
Плавание на арбузной лодке	8
Леонид Юзефович	15
2	18
3	20
4	23
Су Тун	26
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Жизнь после смерти. 8 + 8
Сборник рассказов российских
и китайских писателей

СОВМЕСТНОЕ ИЗДАНИЕ С «PEOPLE'S LITERATURA PUBLISHING HOUSE,
CHINA»

© Барметова И. Н., составление, вступительная статья, 2021

© Семенюк М. В., сопроводительная статья, 2021

© Балюта К.А., Демидо Н.Ю., Ишков М.М., Коробова А.Н., Родионов А.А., Семенюк М.В., перевод, 2021

© «Время», 2021

* * *

ЖИЗНЬ ПОСЛЕ СМЕРТИ

8+8

*Сборник рассказов
российских и китайских
писателей*



От издательства

Этот сборник – продолжение международного проекта «8+8», запущенного три года назад крупнейшим издательством Китая «Народная литература». В соответствии с замыслом в двух странах одновременно выходит антология, составленная из восьми рассказов китайских авторов и восьми рассказов авторов из страны-партнера. Антологии тематические. Например, тема итальянской версии – «Еда и секс», испанской – «Животные», арабской – «Дом и птица», английской – «Научная фантастика».

«Народная литература» попросила издательство «Время» предложить несколько тем для российско-китайского сборника. Из списка, составленного «Временем», китайские коллеги выбрали тему «Жизнь после смерти».

Плавание на арбузной лодке

«Жизнь после смерти» – прочитывается в первую очередь не как переход в мир иной, размышления о бессмертии и описание потусторонних сил, фантазий писателя. Смерть рассматривается как развернутая метафора обыденной жизни, бытописания, когда, «изживая живую жизнь», тот или иной роковой поступок или бездействие, приводит к смерти – духовной ли, душевной, но «частичной смерти». Тогда открывается дверь в другую, иную, но свою, земную жизнь. Преображение, перерождение может нести благостное обновление, но чаще – угасание души. Этот опыт формирует отношение человека к личным утратам, поступкам, метаморфозам, которые, собственно, и составляют сущность жизни.

Категория смерти не ограничена философскими вопросами. Танатология исследует психологию людей, их семей, сообществ и культур в отношении к смерти. Зарождение этой науки пришлось на начало XX века. Среди первых, кто задумался над научным осмыслением смерти, был и российский ученый Илья Мечников. Он был уверен, что без изучения этой проблемы нельзя считать «науки о жизни» всеобъемлющими.

В литературоведении первые работы, посвященные изучению образа смерти, появились в Германии и Англии также в начале XX века. Лев Толстой опирался на собственную философскую систему и среди приоритетов своих исследований особое внимание уделял познанию категории смерти: «Мы смотрим на смерть как на что-то не только совсем особенное от жизни, но как на что-то прекращающее жизнь, а она такое же будущее, как следующий год, и так и надо уметь смотреть на нее».

Высказывание Льва Толстого перекликается с другим: «Жизнь – лишь плавание по течению, смерть – всего только отдых в пути», – эта фраза из знаменитой оды «Птица смерти» древнекитайского поэта и мыслителя Цзя И. Ею вполне можно воспользоваться для нашего крайне небольшого экскурса в восприятие жизни и смерти.

Представленные произведения китайских и российских писателей – своего рода художественное исследование правды умирания души.

Читатель, китайский, российский, прочтет рассказы авторов двух стран, опираясь на традиции своего социума, своего народа, религии, философской мысли Запада и Востока.

Но чем пристальней вглядываешься в мир, который открывают разные по мировоззрению, стилистике, эстетическим пристрастиям произведения, тем больше проступает очевидность переклички, сопряжения двух таких различных культур.

Восемь российских плюс восемь китайских – столько рассказов собрано под одной обложкой. Восемь – число наиболее благоприятное для китайцев, оно связано с абсолютным благополучием, восьмерка, изображенная горизонтально, – символ бесконечности, который используется не только в математике, но и в магии и эзотерике. Это знак непрерывного перерождения, духовного совершенствования, что соотносится с концепцией нашего замысла.

Когда были прочитаны все тексты, появилось ощущение, что чуждым образом произведения китайских авторов перекликаются с российскими, вступают в диалог, спорят на одну и ту же тему, дополняют друг друга. Мною было решено рассказать об этих произведениях в той последовательности, в которой видна взаимосвязь смыслов и идей.

Возможно, и читатель воспользуется этой подсказкой или вступит в свою игру и составит иную последовательность.

Восточная шкатулка-головоломка, которая может быть открыта только после какого-то совершенно не очевидного действия, – это рассказ Леонида Юзефовича «Убийца». Писатель, историк, исследователь, мастер художественно-документальных романов написал загадочный

рассказ. Сто лет назад лихой офицер Азиатской конной дивизии барона Унгерна, вопреки приказу уничтожать евреев, бежавших в Монголию от большевиков, спасает от расправы девушку. Трагизм ситуации заключался еще и в том, что спаситель – офицер – стал убийцей всей ее семьи. Автор вплетает в сюжет исторический документ – маленькую анонимную заметку об убийстве теперь уже самого этого офицера, опубликованную в харбинской газете «Заря» в 1922 году. Писатель создает цепь версий его смерти.

Юзефович проводит отнюдь не детективное расследование, но художественное исследование нравственных, этических поступков и душевных порывов. Вариативность ситуации как вариативность жизни и выбора поступка – может быть, главного поступка – офицером и его возлюбленной, жертвы или убийцы. Писатель ведет по лабиринтам своих догадок, размышлений, нюансов человеческого характера. Текст искусно плывет, твердо держась берегов логики, но таинственность и загадочность не покидают повествование. Может быть, этому помогла железная фигурка Гуань Инь, богини милосердия, женской ипостаси бодисатвы Авалокитешвары, спасающая от всех бедствий. Она стояла на окне петербургской квартиры писателя: «... у моей Гуань Инь в знак сосредоточения и отрешенности от мира глаза были почти закрыты, из-под изогнутых в форме лепестков лотоса тяжелых век виднелись лишь узенькие полоски тронутых ржавчиной белков».

Мир, Порядок, Гармония, Совершенство, Иерархия, Знания, Семья, Социальная справедливость – главные ценности традиционного китайского общества.

Какие жизненные ценности главенствуют у героев рассказа «Арбузная лодка»? Классик китайской литературы Су Тун словно тушью и кистью нарисовал прибытие лодок из Сункэна, на которых крестьяне доставляют в город урожай арбузов: «Все, кто давно живут у реки, мгновенно узнают их: побольше, чем шаосинские черные, и чуть более вытянуты; корпус из дерева, низкая палуба по уровню воды обита жестью. <...> навес из циновки, небольшая печка на носу, дымящая утром и вечером, что настоящая кухня, кажется, это не лодки совсем, а хибары, которые в обход любых законов построили прямо на воде. <...> деревенские парни работы не боятся, но странное дело: стоило им оказаться у моста Тесиныцяо, как все превращались в лодырей. Пока нет покупателей – либо в карты режутся, либо дрыхнут на куче арбузов, но только шагни в лодку, как они тут же просыпаются и не спеша вылезают из-под навеса». Зарисовки обыденной жизни любопытны и притягательны. Повседневная жизнь меняется, когда появляется арбузный нож, который не только вскрывает красное чрево арбуза, но и служит орудием убийства. Резко сбивается ритм повествования, он равен хаотичным действиям толпы, мстящей за убийство крестьянина. Бессмысленного и жестокого. Всего-то из-за белой, незрелой мякоти арбуза. Но писатель не взялся бы за перо, чтобы ограничиться лишь показом противостояния деревенских и городских. Арбузная лодка с пятном крови на днище, похожим на абрис коровы, исчезает... Тягостными поисками ее занимается полуслепая старуха – мать убитого. Именно тогда текст приобретает психологический рисунок: сквозь ожесточение, людскую неприязнь проявляется одно из основных жизненно важных качеств – ненасилие и сочувствие. Способность сочувствовать, которой наделяют и русский характер. «Лодка Фу Третьего отплывала от пристани <...> Вдруг старушка, которая с трудом уже держалась на ногах, еле-еле остановила лодку, медленно обернулась, потеряла глаза и попыталась взглянуть куда-то в сторону причала <...> Конечно, на таком расстоянии она уже ничегошеньки не видела и не могла различить, где стоят добрые люди с улицы Сяньчуньшу, а где – горы кувшинов вина с завода. Вдруг она опустила на колени и отвесила земной поклон, коснувшись лбом днища лодки.

– Чего она кувшинам кланяется? – заржал Гуанчунь.

Но остальные не смеялись...»

Су Тун предоставляет нам самим ответить: арбузная лодка со старухой уплыла в деревню или река унесла их в другую жизнь, к убитому сыну?

О смерти или иной жизни земли, под сомкнувшимися водами водохранилища, где «внизу – несколько деревень с домами, кладбищами, пастбищами и кедрами», – пишет Марина Ахмедова. Рассказ «Корова» – о деревенской жизни, которая стынет в венах «закупоренным ужасом». И о самоубийстве... коровы. Она утопилась. Нет, не утонула по случайности, это было самоубийство животного. На этом убедительно настаивает всем текстом автор. Метерлинк задавался вопросом: есть ли загробная жизнь у животных? «Нам показалась бы забавной мысль, что время и пространство могут бережно сохранить в течение вечности среди звезд, в беспредельном дворце эфира, душу бедного животного, состоявшую из пяти или шести трогательных, но наивных привычек – из желания пить, есть, спать в тепле и приветствовать себе подобных». Героиня Ахмедовой, глядя на воду, начинает верить, «что под водой прямо сейчас лежит самая добрая земля» и там «живут еще жизнью на чистом листе».

Напротив, в рассказе-притче «Плыть по другой реке» китайской писательницы Лян Хун «Большая река не способна рождать жизнь, не может произвести на свет ни речной травы, ни тростника, ни рыб, ни креветок, не может со сменой сезонов становиться то полноводной, то мелкой, не может с течением времени связывать воедино землю, небо...» Большая река – это Центральный канал, построенный по генеральному проекту переброски южных рек в северные. Реальное событие побудило Лян Хун сочинить притчу, где обустройство жизни страны порождает у героини нежелание смириться с переменами. Большая река в притче похожа на мифологическую реку Стикс. Только по-китайски это царство теней называется Сяоси – «Маленькая радость».

Денис Осокин согласился «сдвинуть с глаз повязку повседневной жизни» и вслед за героем своего опозитизированного рассказа вошел в темную-темную, брошенную марийскую деревню Маскародо, а потом в деревню с названием Колокудо, где остался в ночном карауле. Загадочные йүд орол, стоявшие под окном, уверяли его, что тоже охраняют от пожара деревню. И героя покинул страх, потому что сейчас, в ночном карауле, встретился «ни с кем иным – как с судьбой, с чистой судьбой... спрашивать или просить или спешить или к чему-нибудь подготовиться?... мои мысли были видны – мне сразу ответили – и я ответил:

- да нет, не надо.
- ну да, не надо.
- просто встреча?
- да. просто встреча.
- и ничего?
- и ничего, олёш».

Герой беспечно, по-детски, сложил самолетик и «чувство самосохранения стучало моей кровью спокойно-спокойно». Гипнотизирующий авторский голос будет сопровождать читателя весь этот, наполненный зябкостью ночи, голосами судьбы и уходящей деревенской жизнью, рассказ: «...и никто мне не нужен был. никто кроме нас – дороги между маскародо и колокудо в месяц и час когда на ней никого не встретишь, самолетика из обоев и меня».

Безоглядная доверчивость судьбе осокинского героя превращается в рассказе Романа Сенчина «Ты меня помнишь?» в рок. В некую фатальность событий и поступков, определяющих жизнь. Любовь маленькой девочки, ребенка, за которой четко угадывалось сильное женское начало, «тот ее взгляд, взрослый, странный, глубокий», – герой не заметил. Затем испугался нелепой догадки. А через десять лет встреча с уже девочкой-подростком острой болью поразила: эта путаная, неприкаянная, безынтесная жизнь с невыразительными событиями, необязательными отношениями была предназначена *не* ему. Перед ним стояла не равнодушная девочка-подросток, а несвершившаяся жизнь, пришел он в этот мир слишком рано, раньше той, которая составила бы смысл его настоящей жизни. Значит, душа его умерла, еще не родившись. Та жизнь никогда не наступит. А эта? Повинность, наказание... и если наказание, то кого? Усталый, одинокий, будто выпотрошенный, он обращается то ли к подростку, то ли к

судьбе: «Ты меня помнишь?» И слышит «в своем голосе слезливую мольбу, – ты меня помнишь? А?»

Мистические мотивы рассказа «Медиум» писателя Гэ Ляна смешиваются с легким юмором и иронией, когда описывается приключение одного из героев в поисках материала для документального кино о современных шаманах и медиумах. Общение с духами, шаманизм, в Китае имеет тысячелетние традиции и когда-то играло большую роль в религиозной, административной и политической жизни государства.

Теперь же стало устоявшимся народным ритуалом.

Якобы научные рассуждения об общении между мертвыми и живыми перемежаются с лукавым описанием самого процесса – наивного и щемяще трогательного, между безутешными родителями и самоубийцей-сыном, который и под землей все равно хочет быть вместе с беспутной, но любимой девушкой по имени Сяо И: «Но ведь Сяо И – живая. Инь и ян далеки друг от друга, ты же не можешь ждать ее всю ее жизнь. Папа с мамой просто боятся, что под землей никто не заботится о тебе. Если ты обзаведешься семьей, нам будет спокойней, ладно?»

Во Вьетнаме путешественник встречает медиума, который удачным образом сочетает способности впускать в себя духов умерших и неординарные вокальные данные. Он – медиум, работающий при агентстве ритуальных услуг и оперный певец. Что главенствует? Это неясно даже самому герою. Но одним из поворотов авторского «калейдоскопа», когда расположение разноцветных кусочков стекла полностью меняет картину, ироничное повествование, шаманизм отступают... Медиум влюблен в оперную диву, много старше его, и предстает история неразрешимых душевных коллизий, где правда становилась ложью, а ложь становилась правдой. Состоялась ли жизнь талантливого артиста, а может быть, все же не артиста, а человека, умеющего вглядываться в пространство времени? «“Живые, рождаясь из поколения в поколение, зачем нужна ваша жизнь?” – так четко сказано в пьесе. Я пел это много лет и только теперь постиг до конца».

«О любви не вышло...» и у молодого сочинителя в рассказе Александра Бушковского. Мир вокруг молодого писателя казался «неумной шуткой, а люди, за малым исключением, врагами или предателями». И вот однажды захотел он описать трогательную историю чистых отношений своего знакомого инвалида-колясочника и девушки. Рассказ не получился, мир по-прежнему – неумная шутка... Бушковский оставляет свое повествование с открытым концом: трагические обстоятельства, коварство или предательство помешали героям?

Май Цзя как мастер детективной прозы и в новом произведении не отступил от интригующего сюжета. Дело происходит в конце 60-х годов, сразу после культурной революции. Две девушки: одна – Крошка Америка, Сяомэй, имя другой останется неизвестным. Крошка Америка очень хочет служить в армии, но ее анкета не совпадает с результатами обязательного медосмотра. В анкете она заявляет, что не замужем, а медики констатируют «частичное повреждение девственной плевы». «А это куда хуже проблем с поведением, это – осознанное введение в заблуждение целого ведомства! А значит, она не честна с партией и народом!» Не все просто в этой на первый взгляд очевидной истории, и писатель разворачивает настоящее расследование, но... Сяомэй уходит из жизни, ведь, согласно конфуцианству, «умереть с голоду – событие маленькое, а утратить мораль – большое».

По буддизму, вся человеческая жизнь устремлена к смерти, за образом которой важно увидеть «истинную действительность». Бонхёффер не только досточтимый и уважаемый ученый-теолог, жизнь которого трагически оборвалась в Германии в 1945 году, этим именем наделила своего любимого, ангорской породы белого кота эрудированная супружеская пара из рассказа писательницы и литературного критика Цай Дун «Бонхёффер спрыгнул с пятого этажа». Рассказ страшен своей внешней простотой. Кот, как и корова в рассказе Ахметовой, совершил акт самоубийства, чем усугубил болезнь мужа, который теряет память, а значит, кусочки жизни. «Память о прошлом слой за слоем отмирала и покидала его». В прежней жизни, когда

муж был здоров, а кот жив, супруги и их друзья «обсуждали только высокое – Эмпедокла, Юма, Лао-цзы, Лу Сяншаня, Витгенштейна; человека, независимость, мораль, свободу, диалектику, абсолютный дух». Теперь жене хотелось одного – хоть немного побыть наедине, но больной муж не отпускал ее руку никогда, даже во сне. Она решилась прервать монотонность бременной жизни и «представила себе такой конец: верхом на шерстистом носороге безмолвно прыгнуть с пятого этажа и исчезнуть в золотистых небесах». Писательница обостряет проблему соотношения свободы, любви, сострадания и долга. Если прибегнуть к определению морали, то для этого повествования наилучшим образом подходит швейцеровское: «этика благоговения перед жизнью концентрируется не на вопросе “что делать?”, а на вопросе “каким я должен быть?”».

Автобиографичный рассказ о неординарной судьбе двух писателей – отца и сына. Отец написал книгу, в которой собрал истории о мальчике – смешные, очень смешные, грустные, но никогда не занудно-назидательные. Теперь сын пишет истории об отце... Речь идет о Викторе Драгунском и его книге «Денискины рассказы», которая стала не просто популярной, она – в каждом доме, где есть дети и где их нет. И его сыне, теперь тоже писателе – Денисе Драгунском. Повествование о жизни отца озаглавлено «Умереть. Убить. Воскреснуть».

«Каждый человек виноват в чьей-то смерти. <...> Сначала мне казалось, что я умер – обессмертившись в рассказах отца. Мне казалось, что отец – своей любовью и своим талантом создав книжного героя, мальчика Дениску, – убил меня.

Но вместе с тем мне казалось, что я тоже убил его – не только этим ужасным, непростибельным, роковым скандалом, о нет!

Я убил его самым фактом своего взросления.

Отец любил меня так сильно, что хотел остановить время. Забальзамировать меня в виде маленького мальчика».

В китайских традициях все добрые дела детей приписывались отцу, тем самым умножалась слава предков. У нас, да и во всей Европе, иначе. Очень часто дети используют славу, достижения, титулы отца во благо себе. Герой рассказа не из этих. Выход из тени отца – это не освобождение от родительской любви, не гибель любви сыновьей, но создание своего мира, Драгунский с предельной искренностью рассказывает истории исповедальные, когда автор – самый строгий судья самому себе, с ошибками, влюбленностями, с памятью о папином перстне, дешёвом, латунном, и связанном с ним дерзком поступке отца, с очаровательно-ностальгическим бытом ушедшей Москвы... В общем, истории с безудержным проживанием прожитой жизни.

Семья – малое государство. Испокон веков в Китае так считалось. Малое государство включало несколько семей по отцовской линии и было очень обширным. Существовала традиция – нескольким поколениям жить под одной крышей. Отец – представитель императора в семье! Основная цель брака – продолжение рода и забота об усопших предках. Это несколько напоминает патриархальный уклад русской деревни. Но теперь у нас с императором не все просто, да и с заботой об «усопших предках» как-то плоховато. В современном социуме отказываются вообще замечать категорию смерти или относятся так: «Это может случиться со всяким, кроме меня». Что-то вроде своей, индивидуальной, неповторимой судьбы. Невольно согласишься с парадоксальным философским утверждением: «Мы живем потому, что хотим избежать смерти».

Беспристрастно, с этнографической точностью описывает ритуалы, обычаи праздника Цинмин – праздника Чистого Света Лу Минь в рассказе «Храм Западного Неба». Мы вместе с героем по имени Фу Ма проживаем День поминовения усопших. Герой, как и вся большая семья, погряз в повседневных заботах и тревожениях. Но он особенный – он одинок, а значит – неудачник. Это огромная беда: Фу Ма выпадает, выламывается из стройного представления семейного благополучия. Только мобильник вызывает у него чувство близости, сохраняет

тепло и запах его тела, он стал «предметом, который, словно универсальный регулирующий клин, помогал ему устранить любой зазор в расшатавшейся конструкции его жизни».

Посещение кладбища, сжигание ритуальных денег (имитация настоящих, теперь смахивающих на американские доллары), чтобы в потустороннем мире предкам было комфортно. Скучный поминальный обед в ресторане, где обязательно заказываются любимые блюда покойного дедушки, – все привычно, все прилично, но не трогает и не беспокоит. Возможно, беспокоит только одно: его мобильный телефон вдруг осветился цифрами: «00:21:37:95... количество времени, которое их семья провела в ресторане». Точная величина ритуальной семейной традиции.

Фу Ма нажимает на пуск секундомера в мобильном и на свидании, чтобы узнать, «сколько времени займет сегодняшний гейм. <...> Застывшее время вновь пришло в движение, словно его подстегнули хлыстом, оно пульсировало в его и в ее теле со скоростью летящих из-под колес брызг, несущегося к Луне метеорита». Ноздри Фу Ма почувствовали резкий тухлый запах, к его спине словно приклеилась тень, тень смутно напоминала предка: «лицо наполовину закрыто, полы традиционного мужского халата развеваются длинными языками черного пламени, сзади маячит высокая и худая фигура Духа Смерти...»

Чем пахнет дьявол? Серой. Название рассказа Дмитрия Глуховского – «Сера». Кошмар повседневной действительности в городе, где в воздухе непреходящий удушливый запах серы. Сера – запах зла. Было бы наивно обозначить это жесткое писательское высказывание только экологическим. Хотя экология уже давно стала социально-политическим аспектом обсуждения. Несообразность, нонсенс диалога подозреваемой в убийстве своего мужа и следователя напоминает мажор, пляску смерти – аллегорический сюжет Средневековья о бренности человеческого бытия. Разговор абсурден и одновременно реалистичен. Это – соединение двух сторон жизни – бытия и не-бытия:

«– Вы сами или с посторонней помощью произвели расчленение потерпевшего?

– Физически?

– Что?

– Вы имеете в виду физическую или духовную помощь?

– Физическую.

– Сама.

– А... А духовно?

– Была ведома.

– Кем?

– Была ведома мертвыми.

– Какими мертвыми?

– Мертвыми людьми, которые находятся среди нас. Я имен не знаю».

«Всё будет видно потом, когда мы все соберемся на Том берегу», – убеждена Арина Обух. В рассказах наших авторов описаны водоемы, озера, моря, реки, большие и малые. Теперь – река Нева, а на берегу – Конфуций. «Он прислонился к стене дома и брезгливо шурился на солнце. Оно светило очень ярко и совсем не грело. Врало, значит. А он ждал, когда по реке проплывет труп его врага. Но Нева была немножко левее по курсу». Короткие рассказы «Пустота приемлема» объединены не только одним заголовком и непринужденным поэтизированным вымыслом, но точными смыслами жизни. Неизвестный художник изобразил на стене Конфуция. «Из окна можно было всегда видеть, как кто-то останавливается возле стены в немой беседе: кто ты? Всю жизнь так будешь? Постоит. Сам себе ответит что-нибудь невнятное, мол, это я. И завтра... завтра я что-нибудь изменю. Хотя мог бы, конечно, вчера». Однажды человек на стене исчез, но оставил послание человечеству: «Ничего не бывает рано, ничего не бывает поздно – все бывает только вовремя. Целую, твой друг Конфуций».

Если в памяти Дениса Драгунского отцовский латунный перстень с черной пластмассой вместо камня, то у Цзян Наня перстень с камнем из драконьей крови – самым дорогим и редким из всех жадеитов. Разница не только в стоимости. Он – вымысел писателя Цзян Наня из китайского фэнтези «Новоландия: Господин Мгновение». Китайское фэнтези – яркое явление современной литературы – соткан из фольклора и мифологии, где герои совершенствуются в попытке достичь бессмертия. Повесть известного писателя написана в приключенческом жанре уся. Термин «уся» образован из слов «ушу» – боевое искусство и «ся» – рыцарь. «Великаны бережно опустили паланкин на землю перед стариком. Занавеска приоткрылась, и наружу выскользнула хрупкая тонкая ножка, а затем ступила на дорожку из лепестков, которую уже выложили слуги». «Очищение ног» – обряд перед долгой дорогой. Цзян Нань приглашает в мир Людей и Крылатых, в путешествие, из которого читатель узнает, кто такие Хуху, Дафэн, Морозный зверь и что висело на тонком волоске из серо-зеленого шелковистого птичьего пера.

Совершенно иное путешествие, не менее увлекательное, в мир душевных переживаний писателя предстает с Шуан Сюэтао в его рассказе «Дочь». Автор приоткрывает завесу таинства создания произведения, виртуозно протащит сквозь узкий коридор творческих страхов, сомнений, предубеждений, через весь тот путь, который преодолевает художник, прежде чем произведение появится на бумаге. Герой мечтал выпустить из заключения своей души «мельчайшие частицы» своего мира, но в самый кульминационный момент второе «я» загадочно его покидает, растворяется в придуманном мире, так и не дописав рассказ с захватывавшим сюжетом, где вот-вот должно было произойти убийство. Полное крушение – текст не окончен, а значит, произведение умерло неосуществленным. Писатель обращается к своему двойнику: «Я вспоминаю тебя, мой друг, как вспоминаю давно забытых мною людей. Да жив ли ты еще? Может, живешь как любой нормальный человек, переполненный неудовлетворенными желаниями? Так было бы лучше всего. Если к тебе пришел убийца, пожалуйста, скажи мне, я держу в сейфе коня, я вскочу на него и верхом примчусь тебя спасти».

Сколько неосуществленного у нас? И где тот конь из сейфа, который прискачет нас спасать?

Ирина Барметова

Леонид Юзефович Убийца

Весной 2010 года, прежде чем отослать в издательство новый вариант «Самодержца пустыни», я еще раз его отредактировал. Это заняло у меня недели две. Моя Наташа уехала в Москву, я жил в Петербурге один и допоздна засиживался за компьютером. Было начало мая, светло, холодно.

На исходе первой недели я дошел до главы о гибели евреев, живших в столице Монголии, Урге. По приказу Унгерна почти все они были убиты после того, как он штурмом взял город, выбив из него китайские войска.

Азиатская дивизия вступила в Ургу 4 февраля 1921 года. Сразу же, пишет очевидец, «выделилась группа лиц, конкурировавших между собой в поиске еврейских домов». В первую очередь искали дома забайкальских купцов и скотопромышленников, бежавших в Монголию от большевиков, хотя уж в них-то никак нельзя было видеть главных, по словам Унгерна, виновников революции. Наводчиком служил его любимец, доктор Клингенберг из Кяхты. Он приводил казаков к бывшим пациентам, смотрел, как мужчин рубили шашками, а изнасилованных женщин отравлял стрихнином. В итоге ему досталась прекрасная обстановка для его квартиры при русском консульстве и множество ценностей. Помимо идейных соображений, убийцами двигал практический интерес: им причиталось две трети имущества жертв. Одну треть полагалось передавать в дивизионную казну, но отдавали никчемные вещи, все стоящее забирали себе. Позднее на складах интендантства валялись оставшиеся от убитых и никому не нужные «ворохи ношеного платья».

Несколько «полезных жидов» Унгерн пощадил, как, например, зубного врача, кое-кому удалось бежать, а две еврейские семьи, всего одиннадцать человек мужчин, женщин и детей, нашли убежище у национального героя Монголии князя Тогтохо-вана. Этот суровый воитель начал освободительную войну с Пекином задолго до Унгерна, но теперь состарился и от политики отошел. Большую часть года он проводил в степи, но в столице у него имелся зимний дом – бейшин. В нем и были укрыты евреи. Теперь они считались гостями хозяина и могли рассчитывать на его покровительство. Видимо, Тогтохо обещал, что, когда суматоха уляжется, он поможет им выбраться из города и добраться до китайской границы.

Об исчезновении этих людей стало известно, их начали искать. Поисками руководил полковник Сипайло, начальник контрразведки и, по мнению современников, человек с «садическими наклонностями». Унгерн назначил его комендантом Урги.

Вскоре ему донесли, у кого прячутся пропавшие евреи, но вторгнуться к Тогтохо и захватить их Сипайло не мог. По отношению к легендарному князю требовалось соблюдать корректность. Его слава и авторитет, которыми он пользовался у монголов, исключали прямое насилие.

Сипайло нанес ему визит, князь все отрицал. Проводить обыск не посмели, но за домом установили скрытое наблюдение. Наконец какие-то доказательства пребывания там евреев были получены и предъявлены хозяину; Тогтохо пришлось во всем признаться, однако выдать беглецов он отказался наотрез, заявив, что в таком случае покроет свое имя «несмываемым позором». Сипайло ушел ни с чем, но все понимали, что отступить он не собирается.

Однажды ночью к княжескому бейшину подъехала группа казаков, явившихся якобы не по приказу начальства, а по личной инициативе; они не то подняли князя с постели и вызвали его за ворота, не то просто орали под окнами, угрожая расправиться с ним, если не выдаст спрятанных «жидов». Сипайло не позволил бы им осуществить эти угрозы, но провокация имела успех: когда Тогтохо ненадолго отлучился из столицы, его напуганная родня заставила

евреев покинуть усадьбу. Если это правда, отъезд князя был неслучаен, и домочадцы действовали пусть не по его указанию, но с его ведома. Давление на него усиливалось, и в конце концов не выдержал даже он.

Есть известие, что евреев никто не выгонял, они ушли сами, не желая погубить покровителя, но в добровольный исход я не верил. На подобные порывы способны одиночки, а не отцы семейств, знающие, что их жены и дети умрут вместе с ними.

По другой версии, Тогтохо не испугался угроз, не поддался на провокацию и не нарушил законы гостеприимства. Сипайло сделал вид, что с этим смирился, но засаду возле дома не снял. Сидевшие в ней люди терпеливо подстерегали добычу. Спустя некоторое время, успокоившись, поздно вечером, в темноте, когда на улице не было ни души, евреи впервые за много дней вышли за ворота размять ноги и подышать свежим воздухом. Тут они и были схвачены.

Через пару дней их трупы оказались на городской свалке возле речки Сельбы. Здесь обычно оставляли тела казненных на съедение ургинским псам-трупоедам. Хоронить их запрещалось.

Обо всем этом, расходясь лишь в деталях, написали несколько мемуаристов, но никто не упомянул о том, что я узнал из анонимной заметки в харбинской газете «Заря» за 1922 год. Неизвестный автор, почему-то не пожелавший подписать свой опус ни инициалами, ни псевдонимом, сообщал, что одну из укрывавшихся у Тогтохо евреек, юную красавицу, спас молодой офицер из состоявшей в подчинении у Сипайло комендантской команды. Они вместе бежали в Маньчжурию. Офицер полюбил спасенную им девушку и женился на ней, но теперь она убила мужа, потому что не могла простить ему смерть павших от его руки родственников.

У меня были сомнения: оставлять в книге эту историю или лучше все-таки вычеркнуть как не подтвержденную другими источниками. Я выключил компьютер и встал с сигаретой у окна.

Окно выходило во двор, но это был не классический питерский двор-колодец, а застроенное флигелями и малоэтажными нежилыми зданиями пространство между двумя параллельными улицами. С четвертого этажа видно было скопище покрытых ржавым кровельным железом крыш, которые через пару лет станут цинковыми, и огромное бледное небо, на переднем плане прорезанное десятком высоких, с полуразвалившимися наверху, кирпичных дымоходов разной степени стройности.

На окне, лицом к комнате, стояла железная фигурка Гуань Инь, богини милосердия, женской ипостаси бодисатвы Авалокитешвары. Я купил ее в любительской антикварной лавке на Моховой, неожиданно открывшейся в продуктовом магазине, рядом с отделом, где торговали сухофруктами и орехами, и так же внезапно исчезнувшей. В левой руке она держала бутон лотоса на длинном стебле, правая поднята в благословляющем жесте. Когда я принес ее домой, внутри нашлась свернутая в трубочку грязная бумажка, оставшаяся, видимо, не от тех людей, что снесли железную богиню антикварам, а от предыдущих хозяев. Это была краткая инструкция по достижению контакта с Гуань Инь.

В абсолютной пустоте мира следовало представить сине-черное небо, на нем – молочно-белую луну, окруженную мягким сиянием, а когда луна станет похожей на большую жемчужину, прозреть в ней богиню сострадания. Обращаться к ней надо не раньше, чем можно будет различить слезы счастья, выступающие у нее на глазах при возможности помочь чьей-то беде.

Она в самой себе слышит обращенные к ней мольбы, поэтому у моей Гуань Инь в знак сосредоточения и отрешенности от мира глаза были почти закрыты, из-под изогнутых в форме лепестков лотоса тяжелых век виднелись лишь узенькие полоски тронутых ржавчиной белков. Таковую же, разве что не из железа, а бронзовую, евреи могли видеть в домашнем алтаре у Тогтохо.

Он пережил их на полгода. После того как Ургу заняли красные, Тогтохо был обвинен в сотрудничестве с Унгерном и расстрелян без суда.

Сохранилась единственная его фотография, на ней князь тоже запечатлен с закрытыми глазами. Снимок сделан в тот момент, когда он мигнул.

2

О бегстве офицера и еврейки не упоминалось ни в одной из выходивших в Китае эмигрантских газет, кроме «Зари», ни в записках свидетелей и участников монгольских событий, ни в протоколах допросов Унгерна, ни в документах штаба Азиатской дивизии, ни в донесениях советских агентов, засланных в Ургу и уцелевших, когда мнимых большевистских шпионов Сипайло истреблял десятками, и все же я склонялся к мысли, что побег имел место. Лет десять назад о том же самом написала мне из Канады внучка одного жившего тогда в Монголии русского колониста, но я решил, что это легенда. Теперь у меня такой уверенности не было. Случаи дезертирства из Азиатской дивизии тщательно скрывались, а эту совсем уж скандальную историю Сипайло, конечно, постарался не выпустить за пределы узкого круга близких ему лиц. Даже Унгерн мог о ней не знать.

Поверить, что спасенная девушка убила своего спасителя, мне было сложнее. Тогдашняя харбинская пресса питалась слухами: человек, похороненный одной газетой, воскресал в другой, призраки умерших бродили между живыми, но заметка в «Заре» выпадала из этого ряда одним тем, что в ней не назывались имена ни преступницы, ни ее жертвы.

Может быть, подумал я, автор служил в полиции или был полицейским агентом и учитывал интересы следствия? По тем же соображениям он мог умолчать и о том, что произошло с убийцей: удалось ли ей скрыться или ее арестовали, однако эта шаткая гипотеза не в силах была объяснить, какие причины заставили его утаить способ и орудие преступления.

Пистолет, нож, яд?

Ни слова.

Проще всего было допустить, что в заметке соединены два устных рассказа, почерпнутые из разных источников: в одном случае слух соответствовал действительности, в другом – нет. Мне хотелось верить, что лихому офицеру удалось спасти девушку и она его не убивала, но интуитивно я чувствовал: если верно первое, то и второе тоже правда.

Чем дольше я думал об этой паре, тем сильнее меня мучила их безымянность. Хотелось обоих как-то обозначить, чтобы они перестали быть просто офицером и еврейкой. Я не знал ни их имен, ни биографий, вообще ничего, что позволяло заглянуть под эти стандартные личины массового производства, но догадывался, что оба были очень молоды. Это говорило о них не меньше, чем его погоны и ее национальность.

Я попытался представить, какой была эта девушка, если офицер, едва увидев ее, решил рискнуть ради нее жизнью. Времени на колебания и сомнения у него оставалось немного – день-два, не больше. Чем она его заворожала? Красотой, да, но какого типа была ее красота? Исходя из того, что ей потом хватило решимости убить мужа, я увидел ее высокой, стройной, но не хрупкой, с еврейскими, зелеными или карими, глазами, в первом варианте – загадочными и манящими, во втором – то горящими, то печальными. В остальном – ничего типично семитского, иначе офицер не пленился бы ею так безоглядно. Возможно, по дороге от княжеского бейшина к зданию комендантства, обмирая от ужаса, она еще нашла в себе силы с ним кокетничать в надежде понравиться ему и обрести в нем защиту для близких.

Пережив смерть родителей, сестер или братьев, она, должно быть, поначалу находилась в шоке, но необходимость держаться в седле, мороз, опасность погони привели ее в сознание. Ночевали у костров, прижавшись друг к другу. Юрты им не попадались: во время боев под Ургой монголы со своими табунами и отарами откочевали подальше от столицы.

Я не знал, как быстро смирилась она с тем, что ее спаситель – убийца ее родных, но в пустынной зимней степи другого выбора у нее не было. Он о ней заботился, кормил, берег от холода, охранял ее сон и рано или поздно перестал внушать смешанное со страхом отвращение. Еще позднее, в Маньчжурии, из благодарности к нему она приняла крещение, пошла с ним под

венец, но так и не сумела ответить ему любовью, хотя, наверное, честно старалась это сделать, убеждая себя, что вины на нем нет, ведь если бы он отказался выполнить приказ Сипайло, убили бы его самого. Она с ним спала, и это был его единственный выигрыш в той игре, в которой он поставил на карту собственную жизнь.

Они бежали из Урги в конце февраля или начале марта 1921 года, а сообщение в «Заре» появилось в августе 1922-го. Полтора года эти двое были вместе, для молодых людей – огромный срок. Она еще могла отомстить своему похитителю, убившему ее родных и не давшему ей умереть вместе с ними, но не мужу. Не настолько же она была хладнокровна, чтобы год с лишним вынашивать план мести и ждать удобного момента, чтобы привести его в исполнение. Или я недооценивал ее еврейскую целеустремленность, дар мимикрии, умение месяцами держать чувства на медленном огне, скрывая их температуру?

А может быть, устав от ее холодности, он начал ей изменять? Ее уязвленная гордость возгоняла до небес пролитую им и разделявшую их кровь, бессонными ночами перед ней вставали окровавленные тени близких, она слышала их голоса и в одну из ночей совершила то, чего они от нее требовали.

И что дальше?

Ничего. Молчание.

Жалел ли офицер пусть не о том, что ее спас, но что женился на ней?

Раскаялась ли она?

Вероятно, она убила его в помраченном сознании, потом к ней не могло не вернуться заглушенное аффектом чувство благодарности к мужу, сказавшее ей все то, что сказало бы и в момент убийства, если бы ему дали слово.

Фантазировать на тему их отношений можно было бесконечно. Усилием воли я вернул себя к реальности, данной мне в ощущениях, еще раз перечитал заметку, и опять, как при первом прочтении, этот странный текст вызвал у меня необъяснимое доверие.

Безличные обороты, которыми он изобилдовал, как если бы речь шла не о людях, а о явлениях природы, создавали впечатление, что и девушка, и убитый ею офицер, сам прежде служивший в расстрельной команде, всего лишь игрушки в руках владеющих ими стихий, гораздо более могущественных, чем их личные желания и страсти. Этому, правда, противоречило утверждение автора, что отнюдь не голос крови в ее жилах продиктовал несчастной женщине решение убить мужа. Автор жалел покойного, но ясно давал понять, что преступница вызывает у него не осуждение, а сострадание. Даже для либеральной «Зари», принадлежавшей еврейским коммерсантам, его позиция была чересчур радикальной. По тону заметка напоминала речь адвоката на суде.

Само собой, финал истории мог быть выдумкой репортера, получившего задание срочно дать в номер сенсационный материал, но тогда он сочинил бы или что-то мелодраматическое, в духе немого кино, или, наоборот, использовал стиль сугубо протокольный, чтобы по контрасту с сухостью изложения суть дела производила больший эффект. Заметка была написана так, словно предназначалась не для газетной колонки происшествий, а для литературного альманаха. Штатный репортер менее серьезно отнесся бы к рядовой для него работе, да и общие фразы вместо конкретной информации указывали скорее на то, что писал не профессионал, с легкостью придумавший бы любые подробности, а человек, боявшийся сказать лишнее.

3

История из «Зари» осталась в моей книге, но с оговоркой о ее небесспорности. Книга вышла осенью, а весной я получил письмо от журналиста Батожаба Раднаева из Улан-Удэ. Он писал, что о судьбе офицера и спасенной им еврейки рассказывается в изданной в 1965 году в Сиднее книжке эмигранта Николая Гомбоева «Охотники Маньчжурии». К письму прилагался скан этой тоненькой мемуарной книжечки, давалась также справка об авторе и его не совсем обычной родословной.

В 1839 году декабрист Николай Бестужев после каторги был переведен на поселение в Забайкалье, в Новоселенгинск. Здесь он много лет, до самой смерти, прожил с буряткой Дулмой Сабиласовой, имел от нее детей, но так с ней и не обвенчался. Николай Гомбоев приходился ему праправнуком по линии одной из дочерей. Его отец, востоковед-синолог, служил в Министерстве иностранных дел, а мать, Екатерина Георгиевна, в девичестве Ершова, окончила высшие медицинские курсы. Будущий автор «Охотников Маньчжурии» был младшим из их двоих сыновей. Жили в Петербурге, но в 1918 году глава семьи увез жену и детей на родину предков, в Новоселенгинск. Год спустя он умер, а Екатерина Георгиевна, не дожидаясь прихода красных, уехала с сыновьями в Монголию, в Ургу, работала врачом в городской больнице. Из всей ургинской жизни десятилетнему Коле Гомбоеву особенно ярко запомнилось, как они с мальчишками ловили форель в Толе и гоняли черных лохматых монгольских собак, которые после взятия города Унгерном грызли валявшиеся на улицах трупы китайских солдат.

Летом 1921 года барон был окончательно разбит, в Ургу вошли Экспедиционный корпус 5-й армии и цирки Сухэ-Батора. Незадолго перед тем Екатерина Георгиевна в третий раз за три года сменила место жительства. То ли опасалась новой власти, то ли ее увлек за собой поток беженцев. В Харбине она долго мыкалась без работы и была счастлива, когда ей предложили место врача на небольшой станции Халасу по западной линии КВЖД, где-то на полпути между Харбином и Хайларом.

Екатерина Георгиевна со своими мальчиками приехала сюда зимой или ранней весной 1922 года, а в конце лета или начале осени в Халасу поселилась новая молодая русская пара – супруги Могутовы. Мужа звали Петр, а имя жены Гомбоев забыл.

Лишь через много лет мать рассказала повзрослевшему сыну, что настоящая фамилия Могутова – Капшевич, а его жена – еврейка, вырванная им из лап смерти. Екатерина Георгиевна впервые увидела ее в Халасу, но с подпоручиком Петром Капшевичем, недоучившимся студентом Харьковского университета, познакомилась в Урге. Бурей Гражданской войны его с Украины занесло в Забайкалье, откуда он с Унгерном пришел в Монголию. Этот молодой человек хорошо говорил по-английски, но где он им овладел и как Екатерина Георгиевна это о нем узнала, неизвестно.

Вероятно, Капшевич в Урге обращался к ней за медицинской помощью, а в Халасу встретил ее на улице или на станции, узнал и попросил сохранить в секрете его подлинное имя. Она дала слово и молчала, пока в этом был смысл. Если раскрыты были и причины, по которым он сменил фамилию, Гомбоев, в то время двенадцатилетний мальчик, о них понятия не имел.

Историю бывших соседей он услышал от матери, а она – от самого Капшевича. В изложении Гомбоева он рассказал следующее: когда прятавшиеся у Тогтохо-вана евреи были захвачены, Унгерн приказал Капшевичу их расстрелять. Тот доложил барону, что приказ исполнен, но на следующий день, совершая верховую прогулку в окрестностях Урги, Унгерн заметил свежие трупы, сосчитал их и обнаружил, что тел не одиннадцать, как должно быть, а десять. Не хватало трупа запомнившейся ему при осмотре еще живых пленников красивой девушки. Вернувшись в город, барон вызвал Капшевича и потребовал объяснений. Тот воскликнул: «Не может быть, ваше превосходительство! Это какое-то недоразумение! Сейчас проверю и

доложу». Он вскочил в седло и поскакал к месту расстрела. «С той поры подпоручика Капшевича в армии барона не стало», – завершает Гомбоев свой бесхитростный рассказ.

Я сразу отметил в нем ряд неувязок, но списал их на коррозию, которой подвергается любой устный рассказ, спустя годы переданный одним слушателем другому и записанный им еще через несколько десятилетий.

Отдав приказ об истреблении евреев, Унгерн их судьбой больше не занимался, ни с кем из них не говорил и запомнить эту девушку не мог. Одинокие верховые поездки он совершал регулярно, но вряд ли его прогулочный маршрут проходил через отвратительную городскую свалку на Сельбе, где лежали тела казненных. Пересчитывать их, тем более переворачивать на спину, чтобы по лицам определить, кого тут не хватает, он уж точно бы не стал. Есть немало свидетельств о его патологической безразличности ко всему телесному.

Казни производились в подвалах комендантства. Смертников обычно не расстреливали, а рубили шашками. Трупы вывозили на подводах, но, даже если в данном случае этот порядок почему-то был нарушен, сомнительно, чтобы одному Капшевичу поручили вывести за город и расстрелять группу из одиннадцати человек. В присутствии подчиненных или еще кого-то из офицеров ему удалось бы оставить девушку в живых только при условии, что все они согласились закрыть на это глаза, но даже просить их о таком одолжении было смертельно опасно. Никто не откликнулся бы на его просьбу, зато утром она стала бы известна Сипайло и погубила самого Капшевича.

Каким образом он вытащил избранницу из этой мясорубки, я не понимал, но в любом случае для ее спасения ему пришлось убить ее родных, и она не могла этого не знать. Правда, я был почти уверен, что они погибли не у нее на глазах. Очевидно, Капшевич придумал какой-то трюк, чтобы избавить ее от этого зрелища, иначе она чисто физически не смогла бы с ним жить, не говоря уж о том, чтобы выйти за него замуж. Одно дело – знать, да еще с его собственных слов, то есть в смягченном и приукрашенном варианте, другое – видеть самой. Вопрос заключался только в том, успел ли он сказать ей заранее, что собирается ее спасти, или она ни на что не надеялась и готовилась к смерти.

Если бы они скрылись из Урги немедленно после разговора Капшевича с Унгерном, их бы в два счета поймали. Очевидно, никто не хватился пропажи, и он спрятал девушку где-то в городе. Для побега надо было запастись подменными лошадьми, полушубками или теплыми дэли, вяленным мясом и лепешками, не то в степи обоим грозила смерть. Раздобыть все это в Урге и не вызвать подозрений было непросто. Бежали они позднее, но где проживали и что делали до того, как сошли с поезда в Халасу, покрыто мраком.

У Капшевича имелись при себе какие-то деньги, он нанял дом, приобрел охотничье снаряжение и начал надолго исчезать в тайге. Жена вела хозяйство. Она перезнакомилась с соседями, и, пишет Гомбоев, все ее полюбили. Алкоголем Капшевич не злоупотреблял, супруги жили мирно.

Места вокруг были дикие – лес, горы с затерянными в глуши бедными китайскими фанзами и эвенкийскими стойбищами. Мужская половина обитателей пристанционного поселка служила на железной дороге или промышляла охотой, а чаще совмещала одно с другим. Били фазанов и уток, ходили на кабанов, добывали колонка, ставили капканы на лис и волков. Самой выгодной считалась охота на изюбря; китайские скупщики щедро платили за молодые панты, спиленные у оленя в первые летние месяцы. Их использовали для приготовления лекарств. Изредка кому-нибудь удавалось выследить и подстрелить тигра, тогда славой этого любимца богов наполнилась вся западная линия до Цицикара и Хайлара.

Без малого год спустя после того, как Могутовы-Капшевичи обосновались в Халасу, там пропал один старый охотник. Его начали искать. Капшевич вместе с другими мужчинами участвовал в поисках, а когда вернулся из леса домой, нашел жену мертвой. Она покончила с собой, отравившись стрихнином. Капшевич начинал им приманку в волчьих капканах.

Это страшная смерть. У человека искажается лицо, тело сводят судороги, оно выгибается дугой, деревенеет и застывает, опираясь лишь на затылок и пятки.

Должно быть, такой и увидел Капшевич жену – похожей на введенную в транс и лежащую на спинках двух стульев подопытную зрительницу на публичном сеансе гипноза, только бездыханную, с выкаченными глазами.

Судьба, которой она избежала в Урге, когда доктор Клингенберг отравлял евреек тем же ядом, подстерегла ее здесь.

Имя этой женщины осталось тайной. Наверное, у нее было два имени: русское – для мужа и соседей и созвучное ему еврейское – для мертвых родителей, сестер, братьев.

«Тихая и ласковая», – написал о ней хорошо запомнивший ее Гомбоев.

Кроткая.

4

Она умерла в разгар лета, в «пантовку», как называет Гомбоев сезон охоты на изюбря, а уже после похорон из тайги вернулся еще один местный охотник. Узнав об исчезновении старика, он сказал, что неделю назад встретил его в сопках с корзинкой, в которой лежали оленье панты, а неподалеку от этого места видел Капшевича. Его заподозрили в убийстве из-за пантов, и, хотя доказательств не было, а сам он все отрицал, охотники, не связываясь с полицией, предложили ему убраться из Халасу и никогда здесь не показываться, если не хочет пропасть в тайге, как тот старик.

Капшевич вырос на Украине, тайги не знал, стрелять привык только в людей. Охотник из него не вышел, а деньги кончились, жить стало не на что. Все их семейное имущество состояло из ружья и капканов. Продавать взятые у старика панты он побоялся; у него не нашлось денег даже на билет на поезд, чтобы уехать из Халасу, и некий дорожный мастер, которого в то время по службе перевели на станцию Ханьдаохэцзы по восточной линии КВЖД, взял его в вагон, выделенный ему для перевозки домашнего скарба и скота.

Капшевич осел в Ханьдаохэцзы, снова женился, а через год или два одного тамошнего охотника нашли в тайге мертвым. Подозрение вновь пало на Капшевича. При обыске у него обнаружили корзинку с пантами, вдова убитого ее опознала, и, по словам Гомбоева, убийца «понес заслуженное наказание». Его должны были приговорить по меньшей мере к десяти годам каторги, а про китайскую каторжную тюрьму в Цицикаре, совершенно средневековую по устройству и введенным в ней порядкам, русские говорили, что она страшнее смерти. Скорее всего, Капшевич из нее уже не вышел.

В палаческие команды люди не всегда попадают по воле случая. Есть и такие, кто по своей природе лучше приспособлен к подобным занятиям. Капшевич, значит, был из них, жена все про него понимала, тем не менее надеялась, что это уже в прошлом. Когда в Халасу он принес ей панты, надежд больше не осталось. Об их происхождении она догадалась сразу, или он сам ей во всем признался. Тени родных встали перед ней, как вставали раньше, и она предпочла быть с ними, а не с ним.

Но каким бы ни был этот человек, для меня он так и остался отчаянным подпоручиком, рискнувшим жизнью ради тихой ласковой девушки, которую никогда прежде не видел. Не было ни манящих глаз, ни роскошного стана, ни огня, ни кокетства. Теперь я точно знал, что в Урге никакой бурной страсти она в нем не пробудила, он просто ее пожалел. Иногда жалость способна подвигнуть человека на большее, нежели страсть.

Их история была обыденнее и страшнее, чем я думал, но в ней осталось одно темное пятно: заметка в «Заре». Сейчас она казалась мне еще более странной, чем год назад.

Внезапно я сообразил, что время ее публикации, август 1922 года, совпадает с временем, когда Екатерина Георгиевна в Халасу, на улице или на станционной платформе, встретила старого знакомого. Ее сын не написал, откуда Капшевичи прибыли и где жили до этого, но молодой человек с университетским образованием, пусть даже не закончивший курса, с несчастным среди русских беженцев знанием английского, что давало хорошие шансы устроиться в банк или в солидную торговую фирму, изначально едва ли собирался добывать средства к существованию охотой на кабанов и лис. Наверняка он со своей спутницей из Монголии двинулся в Харбин.

Через полтора года Капшевич явился в Халасу как Могутов, но имя оставил настоящее – Петр. А то жена при людях могла забыться и назвать его так, как привыкла. Логично было предположить, что в Харбине случилось что-то такое, из-за чего ему пришлось уносить оттуда ноги, сменить фамилию и стать охотником. Это был не романтический побег от цивилизации на лоно природы и не порыв конторского клерка к свободе, а вынужденная необходимость:

при поступлении на службу проверили бы его документы, не вполне, видимо, безупречные, и навели справки о его прошлом, где никакого Могутова не существовало.

Подумав, я отменил убийство. Если бы он кого-то убил и жена это знала, а не зная она не могла, то, наверное, не покончила бы с собой, но никуда бы с ним не поехала. Харбин – большой город, можно найти работу, снять жилье. Здесь, в гуще жизни, даже рядом с мужем она по-девичьи могла мечтать о том, как когда-нибудь кто-нибудь за ней придет, оценит ее и даст ей иную судьбу, лучшую, заслуженную ею в страданиях. Это потом, еще через год, на глухой станции среди гор и лесов, без надежд и без денег, смерть показалась ей единственным выходом.

Был и еще один аргумент: будь за Капшевичем кровь или другое серьезное преступление, он держался бы подальше от линии КВЖД. Это была зона относительного порядка, железнодорожная полиция поймала бы его здесь и под чужим именем. Подлог, растрата, невозвращенный долг подходили больше, ведь Капшевич служил в какой-то фирме, но тут же я понял, что преступления вообще могло не быть, вернее, он мог совершить его не в Харбине и боялся не полиции. Мне известен был случай, когда одного из состоявших при Сипайло штатных палачей уже в Маньчжурии застрелил брат казненного в Урге колчаковского офицера. Может быть, Капшевич опасался той же участи?

При любом варианте напрашивалась мысль, что он сам же и написал эту заметку с целью внушить кому-то, что его нет в живых, но ксерокс газетной полосы лежал передо мной, и я вдруг увидел, как сквозь типографский шрифт проступает женский почерк.

Я представил, как вечером у себя на квартире супруги сидят за столом. Ужин окончен, чай выпит. Он говорит: «Прошлой весной ты хотела меня убить, вот и напиши, что ты тогда чувствовала».

Возражать нет смысла. Он все про нее знает, как и она про него, но ей хочется уклониться от этого поручения.

«Почему я? – спрашивает она. – Почему не ты?»

«У тебя лучше получится», – отвечает он.

Вздыхнув, она окунает перо в чернильницу и склоняется над листом бумаги. Капшевич подсказывает ей, что ни их имена, ни адрес, ни дату и способ убийства упоминать не нужно, чтобы не привлекать внимание полиции. Тот, кто должен это прочесть, и так поймет, о ком речь.

Она пишет о себе в третьем лице. Как у многих женственных и милых домашних девушек, у нее крупный почерк, одного листа ей не хватает.

Перо бежит быстро, задумываться нет нужды. Она помнит все пережитое ею в первые месяцы после бегства из Урги и никогда ничего не забудет.

«Память, которую не с кем разделить и невозможно избыть, – описывает она то, что испытала полутора годами раньше и о чем я прочту почти столетие спустя, но не сразу пойму, чья рука вывела эти строки, прежде чем они попали в газету, – благодарность, которая превращается в ненависть, как вино в уксус, одиночество молодой женщины, вчерашней гимназистки, житейской слабостью прикованной к человеку хотя и любящему, но огрубевшему на войне, видящему в ней всего лишь выигрыш в опасной игре, награду за проявленную им храбрость, неспособному ни к раскаянию за прошлое, ни к пониманию страдающей рядом души, – вот в каком состоянии она убила своего спасителя».

«Молодец, – прочитав, одобряет Капшевич. – То, что надо».

Он запечатывает ее творение в конверт, а наутро по почте, без подписи и обратного адреса, отправляет в редакцию «Зари». Там охотно печатают такие статьи, а тот, кому это предназначено, мститель или обманутый коммерсант, как многие в городе, прекрасно знает историю мужа и жены Капшевичей.

Поверит ли он в его смерть?

Вероятность невелика, но и хлопот немного. Почему бы не попробовать?

В тот же день они со своими жалкими пожитками грузятся на извозчика, едут на вокзал, берут билеты до Халасу, садятся в поезд. Впереди новая жизнь. Капшевич бодрится, строит планы. Она смотрит в окно. Там лес, сопки.

Лишь сейчас до меня дошло, что не только он ее полюбил, но и она его. Для него спасение этой девушки стало главным оправданием его катящейся под откос жизни, только с ней он чувствовал себя человеком, а она с ним поменялась ролями: жалела его, как он когда-то ее пожалел, по-женски привязалась к нему и все ему простила, но то, о чем оба старались забыть, всегда при них, с ними, между ними. Перед ними – тоже.

А пока они едут в поезде. Небо за окном темнеет и на границе ночи становится черно-синим. Молочно-белая луна окружена мягким сиянием. Они не знают, что, если долго не отрывать от нее глаз, она превратится в жемчужину, жемчужина – в богиню милосердия. Тогда остается всего ничего – различить слезы счастья у нее на глазах и воззвать к ней о помощи.

Я выключил компьютер и подошел к окну. Опять было начало мая, ясно, холодно. Листва на деревьях, которые я видел в просвете между домами, еще не распустилась. За спиной обжившейся на этом окне Гуань Инь, за двумя ее припудренными ржавчиной, вписанными один в другой фестончатыми нимбами расстилались сотворенные из той же субстанции крыши. Над ними стоял потусторонний свет белой ночи.

Су Тун

Арбузная лодка

Обычно арбузные лодки приплывают из Сункэна. Все, кто давно живут у реки, мгновенно узнают их: побольше, чем шаосинские черные, и чуть более вытянуты; корпус из дерева, низкая палуба по уровню воды обита жестью. Самое интересное в них – навес: не парусина, не рубероид, а крепкая соломенная циновка, которую подпирают четыре деревянных шеста – навреде временки, где прячутся от землетрясений.

Каждый год в июле, когда наступал сезон Большой жары, начиналось дикое пекло – лучшая реклама арбузам! Как выдавался свободный вечер, все жители северной части города прыгали на велосипеды, хватали мешки или авоськи из нейлона и спешили к мосту Тесиньцяо за арбузами. Сункэнские лодки всегда швартовались возле него. Когда в июле среди тьмы лодок у Винзаводной пристани появлялись арбузные, первыми их подмечали зоркие детишки-лакомки, караулившие у окон. Они тут же мчались к взрослым и ну ножками топтать: «Арбузные лодки! Пошли скорей купим!» Еще сильнее радовались местные бездельники, такие как дурачок Гуанчунь. Те вообще бежали по берегу впереди лодок аж до самого Тесиньцяо, громко крича: «Арбузные лодки! Пришли! Арбузные!»

Арбузные лодки из Сункэна приплывают каждый год – когда больше, когда меньше, раз на раз не приходится. Их знают даже дети: навес из циновки, небольшая печка на носу, дымящая утром и вечером, что настоящая кухня, кажется, это не лодки совсем, а хибары, которые в обход любых законов построили прямо на воде.

Торговлю вели сункэнские мужики, среди которых были и постарше, и совсем еще юнцы. Все знают, что деревенские парни работы не боятся, но странное дело: стоило им оказаться у Тесиньцяо, как все превращались в лодырей. Пока нет покупателей – либо в карты режутся, либо дрыхнут на куче арбузов, но только шагни в лодку, как они тут же просыпаются и не спеша вылезают из-под навеса.

Сункэнцы носят белые рубашки с длинным рукавом и синие или серые штаны, безо всяких ремней – не привыкли. Обычно они туго подпоясываются синими кушаками. Кто постарше – о внешности не печется и нередко расхаживает с расстегнутой ширинкой, так что видны пестрые трусы. Обувь прилагается обязательно – чаще всего армейские ботинки, резиновые сапоги, холщовые тапки; парни помоложе нередко носят и кожаные ботинки, только чаще всего обувь валяется в лодке, а продавец разгуливает босиком. Вообще говоря, одеты побогаче, чем городские, только неопрятно.

Сункэнцы уже много лет продают арбузы под мостом Тесиньцяо. Некоторые приезжают из года в год, так что местные их узнают, при встрече окликают по имени, а приходя за покупками, ведут себя как закадычные приятели: то плечом дружески толкнут, то по задку хлопнут – ясное дело, чтоб цену сбить. Некоторые, когда идут за арбузом, даже специально покупают по дороге мороженое из красной фасоли за четыре фэня¹. На подобное радушие – хоть и по расчету – сункэнцы тоже проявляют любезность: улыбаются шире некуда, но в глазах нет-нет да и мелькнет хитринка или даже опаска, как бы не попасть впросак. «Выбирай, не стесняйся! – говорят они. – Бери сразу два! Сплошные дожди в этом году, урожай так себе, лодок мало. Вот увидишь, пара дней – и пустыми пойдем обратно».

На арбузных лодках нет приличных весов, только старенькие безмены. Если покупатель берет сразу много – приходится вдвоем прилаживать к крюку коромысло, а уж на него вешать корзины с арбузами. Порой и вдвоем не справиться, тогда на помощь приходят мужики с сосед-

¹ Фэнь – самая мелкая денежная единица. – Здесь и далее прим. переводчиков.

них лодок. Палуба качается, продавец с покупателем торгуются – порой только брань и стоит, а иной раз беседуют чинно, будто представители держав на дипломатических переговорах. В конце концов одна сторона уступает, потом другая и, наконец, обе приходят к консенсусу. Арбузы из Сункэна постепенно покидают лодки и отправляются кто куда – так один арбуз и очутился в корзине Чэнь Сучжэнь.

Чэнь Сучжэнь предпочитала покупать арбузы по одному – но регулярно. Чуть ли не каждые два дня являлась за новым и каждый раз придирчиво выбирала и отчаянно торговалась: продавец уж божится, мол, вот тебе самый спелый да самый сладкий – а она все никак не раскошелится. Так и ходила она к мосту с июля по август, но к концу лета, когда уже распродают последнее, начинала покупать чаще – сын Шоулай обожал арбузы. Надо успеть, пока не кончились! Так что в августе она покупала каждый день по штуке и выбирала не столь тщательно. Все равно сункэнские арбузы как на подбор – круглые, блестящие, крепкие! От таких не ждешь подвоха. Вот и Чэнь Сучжэнь в тот день, когда, согнувшись в три погибели, еле дотащила огромный арбуз, не ожидала, что принесет в дом горе.

Это было так давно, что никто уж и не помнит подробностей. Вроде как Чэнь Сучжэнь купила большущий, но неспелый – с белой мякотью – арбуз. Обычная история: вроде арбуз арбузом, а невкусный. Вообще-то, и такой съесть можно, если не привередничать – по вкусу прям как редька. Ну а если не жаль тебе времени и сил – можно снести его обратно к мосту Тесиньцяо: обычно, если белый, сункэнские меняют.

Этот вариант и выбрала Чэнь Сучжэнь. Заодно придумала, как по пути решить еще пару бытовых вопросов. На улице Сянчуньшу немало таких женщин, как она, – жутко деловитых и организованных; хлебом не корми – дай сделать два дела зараз. Она и бутылки для соевого соуса и кулинарного вина прихватила – уже набралась целая корзина, а сверху примостила еще и отрез ткани – занести портному, чтобы сшил пижамные штаны. В общем, ноша вышла неподъемной и половинку арбуза пришлось выложить. Однако Чэнь Сучжэнь конечно же прекрасно понимала известную истину – нельзя обвинять голословно. Поэтому аккуратно отложила ложкой кусочек мякоти и завернула в вощеную бумажку – в качестве доказательства.

Добравшись до Тесиньцяо, Чэнь Сучжэнь увидела, что из трех арбузных лодок две уже ушли, осталась только лодка Фу Третьего. Вот незадача! Между прочим, раньше она всегда покупала именно у него, но в тот раз у другой лодки столпилось столько народу, что и она пошла туда, к старику Чжану. Ну а что, всем надо – значит, и ей тоже! Кто ж знал, что дня не пройдет, как той лодки и след простынет? Не верится, конечно, что он прямо за день распродал ту гору арбузов – наверняка оставшиеся были плохие, за которые ничего не выручишь, и старик с молодым парнем, торговавшие на той лодке, решили поплыть в другое место попытать удачи. Так рассуждала про себя Чэнь Сучжэнь, стоя под мостом. Руки теребили бумажку с арбузом. Вдруг ее такая злость взяла! «Ну что за люди! – закричала она. – Самый спелый, самый сладкий – какое там! Ишь деревенские! Прохвосты!»

На оставшейся лодке сидел только сам хозяин. Другой парень, вместе с которым они торговали, видимо, ушел куда-то. Чэнь Сучжэнь знала, что хозяина зовут Фу Третий, только как пишется – непонятно. Ну и ладно, позовешь – откликнется! По сравнению с другими сункэнскими, Фу Третий был молчуном, но кто знает, что скрывается за молчанием: невероятное простодушие или, наоборот, дьявольская хитрость?

Она все же решила подойти и пожаловаться на того паршивого торговца, может, хоть передаст ему, а нет – ну и ладно. В конце концов, дело касается качества сункэнских арбузов, это ее долг – предупредить их от лица всей Сянчуньшу, мол, если в следующем году опять неспелые привезете – лучше вообще сюда не суйтесь, дома свиней своими арбузами кормите!

На самом деле она и не собиралась выяснять что-то с этим Фу Третьим, но когда подошла и увидела его худое, загорелое дочерна лицо и красный, сочный кусок арбуза, который парень держал в руке, – ее осенило! Главное – сразу взять быка за рога!

– Эй, Фу Третий! – закричала она. – Сколько лет я к тебе хожу, а? А ты неспелый мне продал!

Фу Третий ел арбуз, видимо, спросонья – вон на щеке отпечатались циновка.

– Я смотрю, у тебя-то арбуз красивый! И поди вкусный! – Чэнь Сучжэнь запрыгнула в лодку. – А мне чего неспелый втюхал?

Фу Третий взглянул на корзину Чэнь Сучжэнь – соевый соус, кулинарное вино, горка аппетитно-влажных солений и сверток из промасленной бумаги... Вытащив соленый огурчик, он захрустел им, с улыбкой глядя на нее.

– Эй, Фу Третий, ты мне продал неспелый арбуз, оглох что ли?

Парень наклонился и сплюнул остатки огурца в реку:

– Фу, прокис! – и снова молча уставился на Чэнь Сучжэнь.

– Ты что, еще и немой? Ну смотри, не хочешь говорить – и я не буду, чего мне ласы с тобой точить. Лучше сходи принеси мне арбуз получше.

Фу Третий покончил с арбузом, только корки остались – идеально ровные треугольнички, как будто ножом резали. Под пристальным взглядом Чэнь Сучжэнь он разложил их на навесе – сушиться.

– Ты их прям так сушишь? А потом что – маринуешь? Жаришь?

– Мариную, – ответил Фу Третий. – Жарить-то на масле надо.

Чуть помолчав, он спросил:

– Ну и где арбуз-то, который неспелый? Не принесла что ли? И как я тебе поменяю?

– Еще не хватало тащить его! Такой огромный – восемь цзиней два ляна как минимум! Вот, смотри, я кусочек принесла! – Тут она достала свою бумажку. – Видишь? Ты скажи мне, как такое есть?

Фу Третий внимательно посмотрел на содержимое бумажки, потом перевел взгляд на Сучжэнь и вдруг улыбнулся:

– Ловко ты! Первый раз вижу, чтобы кусочек на целый арбуз меняли.

Чэнь Сучжэнь немного растерялась:

– А какая разница? Главное – доказательство. И вообще, я столько лет у тебя арбузы беру, можно сказать, постоянный покупатель, а ты еще и придираешься?

Фу Третий по-прежнему улыбался, но как-то недобро, насмешливо.

– То есть купил я плохую курицу, приду с пером – мне новую дадут? Ты деревенских за дураков считаешь? Думаешь, вас тут так много, что и не упомнишь? Да будто я не знаю, где ты купила свой арбуз! Запомню, как же! Ладно менять пришла, да еще кусочек – на целый! Вот ты умно придумала! Своей выгоды не упустишь!

Чэнь Сучжэнь была готова сквозь землю провалиться. Подумать только, а поначалу был так любезен! Причем ладно он – обидно, что она сама, Чэнь Сучжэнь, недооценила противника. Верно говорят: внешность обманчива. Этот Фу Третий не таков, каким кажется!

– Эх, ошиблась я в тебе, Фу Третий, – сконфуженно улыбнулась она. – На вид простофиля, а глянь-ка – хитрован какой!

Чэнь Сучжэнь была дама гордая – в сердцах даже бросила бумажку с арбузом в воду – а как иначе, самолюбие-то задето.

– Не хочешь, значит, менять? Ну и ладно! Облапошил меня – и рад? Вам, деревенским, лишь бы обмануть!

Так и осталась Чэнь Сучжэнь ни с чем, разве что побранилась всласть – в пылу спора даже корзину забыла! Фу Третий достал шест, подцепил им корзину и протянул ей – а пока прилаживал, еще и отчитал:

– Эх ты, сестрица, несправедливо говоришь! Что прицепилась-то к деревенским ни с того ни с сего? Да без нас вы давно бы с голоду померли!

– Я что, разве всех деревенских ругаю? – возразила она. – Я про тех обманщиков, кто нарочно неспелыми арбузами торгует!

– Да какой обман! Было много дождей, такие уж уродились. Мы-то здесь при чем?

Этого Чэнь Сучжэнь снести не смогла:

– Если уродились плохие, чего тогда нам тащите? Дома свиней ими кормите! Смотри, в будущем году никто уж не купится на ваши уловки!

Казалось, пора бы на этом и остановиться. На улице Сяньчуншу мать Шоулая отлично знали. Для нее, если удалось поменять – хорошо, а нет – и ладно! Надо ж блюсти репутацию! И здоровье! – стоило ли из-за какого-то арбуза ходить в такую даль? Но, с другой стороны, она же не для себя их брала, а для сыночка, для Шоулая. Именно он, вооружившись ложкой, уплетал сладкую мякоть, а Чэнь Сучжэнь доедала остальное. Поэтому она не могла в одиночку принять решение, оставлять ли дело с арбузом, – следовало спросить мнение сына.

Шоулая было семнадцать. Наверняка вы все помните его тогдашнего: ходит вечно насупленный, на всех косится. Такой вид бывает у забитого ребенка, которого годами третируют, – только Шоулая попробуй потретируй! Он сам гонял всех окрестных мальчишек, а также безвинных зверюшек. Для него убить кошку или собаку – плевое дело. До людей, правда, пока не добрался, но поговаривали, что это лишь вопрос времени. Не ровен час – и человека прикончит! Однако не будем забегать вперед. Так вот, в тот день Шоулай вернулся домой и увидел привычную картину: на столе в тазу лежит половина арбуза, нарезанная кусочками, – только арбуз почему-то белый! Он взял кусочек, положил в рот и тут же вскричал: «Что за гадость! Это вообще арбуз или тыква?»

Из кухни донесся голос Чэнь Сучжэнь:

– Да я даже менять ходила, но старик Чжао уже уплыл. А ты и правда, представь, что это тыква, – и кушай! – Судя по всему, она что-то готовила. – Не поверишь, пошла я к Фу Третьему – а он отказался менять! Вот с виду дурак дураком, а оказался еще тот пройдоха! Даже если б я арбуз целиком приволокла – небось не поменял бы! Еще бы, эти сункэнцы своего не упустят! – ворчала обиженная и разочарованная Чэнь Сучжэнь.

Раньше она ни разу не жаловалась сыну, потому что тот никогда не слушал. Привыкла за готовкой болтать сама с собой – как говорится, на стол подала да и душу отвела! Кто же знал, что Шоулай, благополучно пропускавший мимо ушей материнские наставления о скромности и бережливости, вдруг прекрасно расслышит все, что касалось сункэнских лодок и их арбузов? Чэнь Сучжэнь даже и не заметила, как сын пулей вылетел из дома, прихватив с собой пол-арбуза, – до нее долетели лишь сочные ругательства отпрыска. Позже она рассказывала соседям, что в тот момент жарила соевые бобы с солеными овощами, вся сосредоточилась на готовке и знать не знала, что Шоулай куда-то ушел. Только когда перекладывала еду в тарелку, один боб упал на землю – странно же, да? – тут-то и прибежал соседский мальчишка с криком: «Беда! Там у арбузных Шоулай сункэнца бьет!»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.